

Бернард
[вербер]

: наши друзья
Человеки

ПАМЯТИ
ПАМЯТИ
АДАМА
АДАМА
МАЛЕНЬКОГО
МАЛЕНЬКОГО
АНГЕЛА
АНГЕЛА
УШЕДШЕГО
УШЕДШЕГО
СЛИШКОМ
СЛИШКОМ
РАНО

Что чувствует мужчина, внезапно оказавшийся в стеклянной клетке? А если у него появляется очаровательная соседка? Похоже, они оба стали жертвой какого-то эксперимента. Или она – их сообщница? И кто эти «они»?

Бернард Вербер, автор знаменитой трилогии «Муравьи» и романа «Империя ангелов», предлагает читателю оригинальный вариант реалити-шоу «За стеклом».

«Наши друзья Человеки» успешно идет на театральных подмостках Франции. Это произведение Вербера знаменитый французский режиссер Клод Лелюш («Мужчина и женщина») взял за основу для своего нового фильма.

Бернард ВЕРБЕР
НАШИ ДРУЗЬЯ ЧЕЛОВЕКИ

*Памяти Адама,
маленького ангела,
ушедшего слишком рано*

В темноте раздаются три удара. Неожиданно зажигается яркий свет.

Перед нами – человек, он прикрывает ослепленные глаза рукой и отступает на несколько шагов.

Он оборачивается и замечает, что задняя и боковые стенки – зеркальные.

Человек проходит вдоль стенок, ощупывает их, поворачивается лицом к нам и видит перед собой стекло.

Человек посажен в клетку.

Он отходит на несколько шагов, потом бросается на стеклянную стенку и бьется о нее с громким глухим стуком.

Несколько оглушенный, он массирует себе плечо.

– Ой!

Человек медленно приближает лицо к прозрачной перегородке. Он застывает и напряженно всматривается сквозь стекло, словно различая вдали что-то интересное. Потом переводит взгляд и застывает снова.

– Эй, там! Есть там кто-нибудь? Кто зажег свет? Кто вы?

Он стучит по стеклу – все громче и громче. Из-под ладони смотрит вдаль.

– Я знаю, что вы наблюдаете за мной. Выпустите меня. Хватит играть в кошки-мышки!

Он снова стучит, подпрыгивает, как будто хочет достать до потолка. Затем возвращается к стеклу и говорит более мирным тоном:

– Хорошо, очень смешно, но самые лучшие шутки – короткие. Теперь дайте мне выйти отсюда. Я ХОЧУ ОТСЮДА ВЫЙТИ!

Человек с яростью кидается на стенку, свет неожиданно гаснет.

– Эй! Я ничего не вижу!

Свет снова зажигается. Человек видит перед собой бесформенный силуэт. Он подходит с любопытством.

Он различает рыжую шевелюру, затем ухо.

Перед ним весьма привлекательная молодая женщина.

Она медленно встает, потягивается с кошачьей грацией. На ней обтягивающий тело костюм, напоминающий расцветкой тигриную шкуру, и чулки в сетку.

Человек отступает. Женщина откидывает назад рыжие волосы и открывает свое лицо. Она зевает и трет глаза. Смотрит на человека, секунду колеблется и начинает кричать.

Человек подскакивает от удивления. Молодая женщина пристально смотрит на него несколько мгновений. Вдруг она нарушает тишину еще более громким и пронзительным воплем. Непонятно, – она кричит, потому что боится или потому что хочет испугать.

Человек отступает на несколько шагов, словно перед ним дикое животное.

Видя его страх, молодая женщина глубоко вздыхает.

– А-а-а! – рычит она.

Затем умолкает. Оба смотрят друг на друга, ничего не понимая.

– Э-э... – говорит человек в замешательстве.

Словно два животных, они изъясняются нечленораздельными звуками.

Человек пытается найти другое выражение своим чувствам:

– Мм, мм...

Женщина переводит дыхание и ревет, словно львица, чтобы напугать его раз и навсегда.

– А-а-а! Г-р-р...

Человек в страхе застывает. Потом приходит в себя и подходит к женщине.

– Э-э... Э-э... Do you speak English? – спрашивает он осторожно.

Женщина удивленно замолкает.

– Habla espanol, setorita? Fala portugues? Sprechen Sie Deutsch?

Молодая женщина все так же угрожающе смотрит на него.

Чтобы успокоить женщину, человек протягивает ей, в знак совершенно мирных намерений раскрытую ладонь, потом переворачивает ее для рукопожатия.

– Э-э... hello, здравствуйте, мадемуазель... Buenos dias...

Женщина смотрит на его руку. Затем хватает и кусает ее.

Человек кричит, зажимает пострадавшие пальцы между колен и подпрыгивает от боли.

Женщина заходит сзади, борцовским приемом бросает его на землю и прижимает колени к рукам.

– А-а! – умоляет человек. – Я сдаюсь!

Женщина новым приемом заламывает ему руку и говорит грозным голосом:

– Это что за фигня? Мужчина криво улыбается.

– Ах, значит, вы говорите по-французски...

– Что здесь происходит? – спрашивает она, нажимая ему на руку.

– Ой! Вы мне руку сломаете! – (Она нажимает сильнее.) – Ой!

– Я тебя слушаю!

– Ой, нет, прек... То есть... Мне воздуха не хватает. Когда вы заламываете мою руку, плечо блокирует дыхание. Идет давление на солнечное сплетение. Ослабьте хватку, по крайней мере, я не могу говорить в таком положении.

Она колеблется, потом отпускает его. Он поднимается. Одергивает белую рубашку.

Она скалит зубы, готовая укусить, оглядывается вокруг.

– Где мы? – спрашивает она.

– Сами видите. В стеклянной клетке.

Женщина подходит к стенке и трогает ее. Гневным жестом с яростью ударяет по ней.

– Какого черта мы здесь делаем?

– Ах, если бы я знал, – отвечает мужчина.

Она смотрит на него с любопытством.

– А ты кто?

– Меня зовут Рауль, а вас?

Он поправляет очки и рубашку. Она поворачивается к стеклу.

– Рауль, там вроде бы что-то есть. Он подходит к ней, и оба всматриваются в стекло.

– У меня такое впечатление, что за нами наблюдают люди. Я слышал шум. Как будто кто-то шептался, так, чтобы его не слышали.

Женщина всматривается еще внимательнее.

– Эй! Э! На помощь! Мы здесь! Выпустите нас отсюда! Позовите полицию! На помощь! На помощь!

Она снова стучит по перегородке.

– Это бесполезно. Я уже пробовал. Если кто-то и видит нас, то он не хочет ничего делать.

– Вуаеристы, – говорит она, делая гримасу. – Мы, наверное, в каком-нибудь гигантском пип-шоу... выставлены помимо своей воли... на обозрение ву-аеристам! Развратные вуаеристы-сатиры, которые платят, может быть, даже за такое зрелище!

– Их называют «зри-те-ли». Молодая женщина задумывается, потом вдруг лицо ее принимает веселое выражение. Она поправляет волосы, костюм, принимает несколько изящных

поз. Смоченным слюной пальцем приглаживает брови.

Встревоженный Рауль делает новое предположение:

– Может быть, за этими зеркальными стеклами стоят камеры, нас снимают, а миллионы зрителей смотрят.

Ей нравится эта идея.

Рауль подходит к правой зеркальной стенке, стараясь рассмотреть что-нибудь сквозь нее.

Женщина приближается к стеклу и говорит воображаемой аудитории:

– Я очень, ну просто очень и очень тронута тем, что выбрали именно меня. Я хочу поблагодарить продюсеров, которые остановили свой выбор на мне, а также зрителей, которые будут за меня голосовать. У меня было трудное детство, и мне не хотелось бы сейчас говорить о нем. В ранней юности я научилась танцевать и счастлива показать вам все, что я умею делать.

Женщина опускает глаза и продолжает менять позы.

Рауль пожимает плечами.

– Я умею садиться на шпагат, – говорит женщина.

Она садится на шпагат.

– И еще вот так.

Женщина выполняет несколько гимнастических упражнений, но не совсем довольна собой.

– Если будет музыка, у меня получится намного лучше.

– Вы смешны.

– И еще я умею вот так.

– Эта слава для супермаркета.

Женщина делает сложную акробатическую фигуру, адресуя вымученную улыбку Раулю.

– Эй, приятель, если тебе не нравится, не расхолаживай других.

– Я должен был догадаться, едва только увидел ваш убогий тарзаний наряд.

– Знаешь, куда послал бы тебя мой убогий тарзаний наряд? – шепчет она. – Слушай, у меня небольшая проблемка с левым профилем. Лучше бы меня так не показывать. Как думаешь, где камера? Обычно ведь горит маленькая красная лампочка, да?

Молодая женщина, решив, что заметила что-то такое, поворачивается к воображаемой камере и затягивает модную песенку. Потом начинает танцевать, отбивая чечетку.

Затем останавливается, разочарованная тем, что ничего не происходит.

– Ну, все, вы закончили свое выступление? – спрашивает Рауль.

– Ты завидуешь, потому что даже на это не способен.

– Это уж точно. Да и не стал бы ни за что выделяться на публике.

– А за что же тебя выбрали?

– Сам себя спрашиваю.

– *(Женщина, самой себе.)* Почему же ничего не происходит?

Она перестает улыбаться и вдруг с сомнением в голосе:

– А почему ничего не происходит?

Немного поколебавшись, она поднимает голову к потолку, как будто предполагаемые продюсеры могли спрятаться там.

– Скажите все-таки, вам интересно то, что я делаю? Вам нравится? Вы находите меня красивой? Хотите, я вам еще что-нибудь покажу? Я умею еще жонглировать, но мне для этого нужны мячи. Или обручи. Их можно даже поджечь, но тогда надо будет притушить свет, чтобы было лучше видно.

Пауза.

– Я бы хотела ознакомиться с правилами. Мы же имеем на это право, правда? *(Раулю.)* Я не хотела бы, чтобы они злоупотребляли моим правом на имидж. *(В потолок.)* Эй, если вы нас

снимаете, надо бы о деньгах поговорить. И насчет рекламы в прессе я хочу с агентом договориться. А? (Раулю.)

Так, у меня нет ни адвоката, ни агента.

Она призывает Рауля в свидетели.

– Это безобразие, это незаконно, что они не дали нам сначала прочесть правила. Рауль, у тебя агент есть?

Мужчина погружен в раздумье.

– Было около полудня. Я работал. Позади меня возник какой-то туман, я обернулся – и все, полная темнота.

– Э-э... Со мной такая же история! Наверное, это новый способ отбора. Не ждут больше кастингов, а берут людей просто так, наугад, прямо из дому! Интересно, какой же приз можно выиграть. Может быть, замок или самолет, а может быть, даже коллекционный гоночный автомобиль. Я всегда мечтала ездить на «Феррари».

Рауль мечется по помещению и простукивает стенки.

– Ты зря не показываешь им, что умеешь делать. Тебя отсеют. (Принимается с энтузиазмом отбивать чечетку.) Чего терять-то?

Принимает различные позы. Делает колесо, показывает гимнастические упражнения.

– Я уважаю в себе homo sapiens. Она пожимает плечами и делает стойку на голове.

– Ой-ой-ой! Как ты умеешь говорить!

– Я говорю нормально. И я не виноват в том, что малограмотные, не обладающие даже минимальным словарным запасом люди вошли теперь в моду.

– Подожди. Козе понятно, что ты, с твоей белой рубашечкой, прилизанной прической и очками, словно у крота, в моде ничего не понимаешь.

– Хороша мода! Выставлять людей на потеху зевакам, чтобы те всласть позабавились... В этом и нового-то ничего нет. Древние римляне поступали так с гладиаторами. Хлеба и зрелищ. Вы видели «Бен Гура»?^[1]

– Здравствуйте, цитаты пошли! Этим только старики занимаются! Да ты и выглядишь, по моему, как старик. Ты даже в детстве уже был старым, уверена.

– Если нужно смотреть передачи для дебилов, чтобы быть молодым, ладно, я согласен считаться стариком. Между прочим, в мое время в моде были научно-популярные телесериалы, такие, как «Star Trek» или «Пленник». В них диалоги, по крайней мере, смысл имели. Кстати, «Пленник» был первым телевизионным реалити-шоу Люди под наблюдением камер жили на острове, вдали от всех. Как мы...

– Вот чего я не понимаю, так это почему нас так мало. Обычно участников около десяти, и зрители потом постепенно отсеивают одного за другим. А здесь только ты и я, выберут быстро.

– А если это тренинг по выживанию для ответственных работников? Я как-то был с коллегами на таком. Нас заперли в тюремной камере и наблюдали за нами. Хотели узнать, как мы поведем себя в смоделированной ситуации попытки побега. Мы потом смотрели на себя по видео. И получали оценки.

– Я не ответственный работник.

– Подождите, – сказал он с иронией, – дайте-ка я догадаюсь... Ведущая шоу, танцовщица в кабаре? Массовик-затейник в клубе для отдыхающих? Стриптизерша?

У молодой женщины появляется улыбка, похожая на хищный оскал.

– Жалкий тип.

– Простите, я пытаюсь догадаться. В подобном костюме... Не знаю. Как вас зовут, кстати?

– А тебе какое дело?

– Ну, если вы таким тоном будете разговаривать... Хочу вам заметить, что если на нас

смотрят, то публике вы вряд ли понравитесь. С таким поведением вылетите после первого же голосования.

Она размышляет.

– Но вам везет, я играю честно. И, если хотите, сделаем заново сцену знакомства. Они потом при монтаже подправят. *{Говорит неестественным тоном.}* О, здравствуйте, мадемуазель. Меня зовут Рауль Мельес, а вас?

Он протягивает ей руку. Она смотрит на руку, еще немного колеблется, поворачивается к публике и вдруг принимает фальшиво-восторженный вид.

– Саманта Бальдини.

– А чем вы занимаетесь в жизни, мадемуазель Бальдини? Наверное, вы актриса?

Саманта подыгрывает Раулю:

– Нет, не актриса, но все-таки артистка.

– Художница? Скульптор? Музыкант? Прима-балерина? Мимистка?

Саманта чуть хмурится, так как не знает значения последнего слова, но быстро оправляется.

– Не совсем, скажем так: артистка цирка! Я – дрессировщица тигров.

– Дрессировщица тигров? Да уж, такое не часто встретишь. Вы, должно быть, очень храбрая. Они вам никогда не причиняли зла, эти ужасные хищники?

Саманта отвечает, во все стороны бросая взгляды и улыбки, словно на арене.

– Нет, все хорошо. Спасибо, что беспокоишься обо мне, милый Рауль. Это, как бы сказать... настоящая профессия. Ты должен еще в ранней юности научиться преодолевать свой страх.

– Извините меня, я мало что понимаю, может быть. Но... ваш наряд так специально задуман, – Рауль улыбается, – чтобы гармонировать с вашими... партнерами?

– Конечно. Это мамаша Антуанетта сшила его специально для меня. А вообще-то, отвечая уж совсем честно на ваш вопрос, скажу: я действительно волнуюсь перед каждым выступлением. Хотя я прекрасно знаю, что это просто большие котята. Вы будете смеяться *{она выдавливает вымученный смешок, смотрит по сторонам}*, но в цирке тигров фамиллярно называют «большими котятами».

– И никогда не было несчастных случаев?

– Ну, однажды... один старый чокнутый самец, Терминатор, дядюшке Пепперони все-таки яичко поцарапал. Э-э... с тех пор они с тетушкой Наталией часто ругаются.

На лице Рауля играет деланная улыбка якобы заинтересованного телеведущего.

– Вот как? Ну, что же, большое спасибо вам, дорогая Саманта, за то, что вы приоткрыли нам дверцу в мир артистов. Это действительно потрясающе. Можно мне называть вас Сам?

Рауль улыбается фальшивой улыбкой. Саманта колеблется.

– Ну конечно, господин Рауль.

Он смеется. Саманта догадывается, что Рауль над ней издевается.

– Нет, погоди, а ты-то, в твоей белой рубашке, ты чем занимаешься? Молчи, я сама догадаюсь. Сыровар? Колбасник? Ах, нет, ты слишком красиво говоришь... Психиатр. Головы уменьшаешь. Промываешь мозги для...

– Я ученый. Я занимаюсь исследованиями, которые продвинули науку далеко вперед.

– Фабрикант смертельных вирусов?

– Я работаю на большую косметическую фирму.

– Уж не из тех ли ты уродов, кто мучает животных?

– Мы проводим эти опыты ради вас, ради вашей безопасности, чтобы у вас потом не было высыпаний, зуда или аллергии. Надо же проверять препараты на ком-то живом.

– Я так и думала, ты занимаешься вивисинцией...

– Вивисекцией, – поправляет он.

– Я это видела по телевизору. Это чудовищно.

– Не стоит так уж верить всему, что показывают в новостях.

– Есть вещи, которые не придумаешь. Вы оставляете хомяков на несколько часов под ультрафиолетовыми лампами, проверяя действие кремов для загара. Это правда или нет?

– Чтобы ты лучше загорела, дитя мое.

– Вы отрезаете головы обезьянам и проверяете, продолжают ли они жить без тела!

– Чтобы лучше излечить тебя от мигрени, дитя мое.

– Вы капаете шампунь в глаза кроликам!

– Чтобы лучше защитить твои глазки от раздражения, дитя мое.

– Ты и вправду гнусный кретин. Рауль смотрит на Саманту с усмешкой.

– Это вы еще всего не знаете! – говорит он. – Мои коллеги работают с малярией. Им постоянно нужны живые комары. Знаете, как их кормят? Помещают в аквариум кролика. Комары налетают на него, облепляют с ног до головы, а когда улетают, кролик весь пустой, плоский, высосанный...

– Прекрати, или я тебе морду разобью.

Рауль невозмутимо продолжает, забавляясь своими воспоминаниями:

– ...Не так давно, чтобы выяснить, способствуют ли мобильные телефоны возникновению рака, к включенному мобильнику на несколько недель привязали мышью. Заболеют ли мыши раком, осталось неизвестным, но вот лапки у них трястись стали...

– Если бы меня здесь не держали, я бы на тебя в суд подала. Такие типы, как ты, должны сидеть за решеткой.

Она поворачивается и обращается к воображаемой публике:

– Вы ведь согласны со мной? Этот человек отвратителен.

– Ну, а себя вы кем считаете? Это чтобы угодить вам, привередливым потребительницам, мы проводим все эти опыты. Вы купите шампунь или крем с неизвестными побочными эффектами?

– Самое легкое свалить все на потребительниц. Они про все это ничего не знают. А вы этим пользуетесь. Просто чтобы денег заработать.

– Ну и что же? Теперь, когда вы знаете, вы будете покупать непроверенную губную помаду?

– Жалкий тип!

– Это не ответ. Что вам нужно, так это мазать губы кровью. Гарантированно натуральный продукт, не вызывающий аллергии. Во время ваших выступлений в цирке будет смотреться эффектно.

– Лапочка моя, не говори о том, чего не знаешь.

– Так вы думаете, я не знаю, как вы своих тигров дрессируете? Вы им лапы прижигаете раскаленным железом!

– Только в самом начале. А потом мои котята очень гордятся тем, что срывают аплодисменты. Это совсем другое дело.

– Это точно такое же «дело». В обоих случаях животные страдают для нашего удовольствия. Вам не кажется, что вашим тиграм было бы лучше жить вместе со своими детьми в джунглях, а не таскаться с вами в ржавых клетках, есть котлеты из отбросов и выступать перед крикливой толпой? Вы думаете, им интересно, вашим «большим котятам», красоваться на арене ради вас?

– Они меня любят!

– Если вы так уверены в их привязанности, войдите-ка как-нибудь к ним в клетку, когда они голодные. Без плетки и палки. Посмотрим, под каким соусом они вас «полюбят».

– Я бы зашла.

– Ах, да, я забыл: чтобы привлечь к себе внимание, вы готовы на все.

– Ты ничего не понимаешь, цирк – это хорошо. Он доставляет радость детям.

– Давай разберемся. Чтобы доставить радость детям, вы перед ними мучаете животных!

Логично. Мои опыты, по крайней мере, не афишируются.

– Ах ты...

Она бросается на него.

Они дерутся. Она легко побеждает.

– Да уж, – стонет он, – с вами трудно вести диалог.

Саманта душит его.

– Извинись немедленно!

– Лучше сдохнуть. Неожиданно раздается грохот и вспыхивают молнии.

Их отбрасывает друг от друга, словно сильным электрическим разрядом.

Рауль и Саманта в разных концах помещения. Удивленно смотрят друг на друга.

– Что это такое? – тревожно спрашивает она.

– Электрический разряд. Вольт пятьсот, я думаю. Прошел через пол, который послужил проводником. И спрятаться-то невозможно.

Рауля трясет.

– Ох, как больно, – говорит она, потирая бока.

Рауль, обернувшись к стеклу:

– Эй, вы не имеете права! Я пожалуюсь в Международный суд. Это вам так не пройдет. Я хочу выйти отсюда. Я решил уйти. Эй, вы слышите? Я больше не принимаю участия в программе, я не играю.

Гримаса на лице Саманты сменяется блаженной улыбкой.

Преобразившись, она становится на колени, складывает ладони и начинает молиться.

– Что вы делаете?

Она не отвечает и продолжает молиться.

– У вас от короткого замыкания разум помутился?

– Молчи, нечестивец.

– Неужели трудно объяснить?

– Ты не понял? Этот разряд – это не электричество, это была... молния. «Его» молния.

Пауза.

– Я думаю... я думаю, что мы умерли. Да. Умерли. Ты и я, мы... умерли.

– Она в полном бреде.

– Плохо соображаешь? Туман, забытье, ослепительный свет. У нас был сердечный приступ, и мы очнулись здесь в...

– Ну, давай.

– В раю. Рауль хохочет.

– В раю? А эти там (*показывает на стеклянную перегородку*), это кто? Ангелы?

– Наши небесные судьи. Они ничего не говорят, они наблюдают. Они будут меня судить. Они видят мою жизнь. Видят меня маленькой девочкой. Видят меня подростком. Видят меня теперь. Они знают обо мне все.

Она обращается к «публике»:

– Простите меня. Простите меня. Ох, как я раскаиваюсь в том зле, что могла сделать.

– Это правда. Она чуть-чуть... (*Она постукивает пальцем по виску.*) Извините ее.

– Я хочу искупить мои грехи. Искупление. Я готова к искуплению.

Она стучит себя кулаком в грудь.

– Я была ленивой, скупой, гордой, завистливой, я лгала и даже была обжорой.

– А сигаретки у вас не будет? Саманта продолжает бормотать:

– «Господи, я не достойна того, чтобы войти в Твое царствие, но скажи одно слово, и душа моя излечится».

– А если те, кто за нами наблюдает, не ангелы, а... демоны?

– Простите и этого безбожника гоже, он не отвечает за себя.

– Мы видим «безбожника» в чужом глазу, а в своем и «апостола» не замечаем.

– Ты можешь пасть закрыть? Я пытаюсь спасти положение.

– Мне кажется, что гипотеза насчет ада правдоподобнее. Мы всегда представляли себе ад чем-то вроде пещеры-бани-талассотерапии, только жарче и противнее. А настоящий ад вот такой. Закрытое помещение, пустое, тихое, холодное. Непонятное. С ощущением того, что за тобой кто-то наблюдает, кто – неизвестно. Ад (*он показывает на стекло*) — это чей-то безмолвный взгляд.

– Какое несчастье жить без веры! Рауль подходит к стене и смотрит на свое отражение.

– А если мы спокойно поразмышляем, – предлагает он.

– Мне незачем размышлять, я знаю.

– А я, глядя на вас, все больше сомневаюсь.

– Усомнись в своих сомнениях, и ты поверишь.

– Очень жаль, но я верю только в то, что вижу. А вижу я, что заперт в каком-то аквариуме вместе с женщиной в леопардовом костюмчике. Точка. Я беру себя за запястье и чувствую свой пульс. Я прикасаюсь к своей груди и чувствую стук своего сердца. Из этого я делаю вывод, что я жив и нахожусь в ясном уме и что вы, напротив, начинаете терять рассудок.

– Два года назад, – говорит Саманта, поворачиваясь к нему, – мне одолжили тигрицу из другого цирка, поскольку моя заболела гриппом. Тигрица не хотела меня слушаться. Я чувствовала, что она опасна. Только я начала работать с ней, как она бросилась на меня с открытой пастью. Несколько секунд я была в ее полной власти. Но вдруг, будто чудо какое-то, она остановилась. Потом посмотрела на меня, и я увидела по ее глазам, что на нее снизошел Святой Дух. Я встала на колени и принялась молиться, а тигрица лизнула мне щеку.

– Прямо как у святой Бландины, – произносит он насмешливо.

– Именно, как у святой Бландины. Тогда-то я и поняла, что моя жизнь при-надлежит не мне, и что я – Его слуга.

Она опять опускается на колени и молится в тишине.

– И слушать такое в середине двадцать первого века! – возмущается он.

– Человек неверующий – всего лишь мешок мяса.

– Я никогда и не претендовал на что-то другое.

– Удивительно все-таки! Ты не веришь в Бога, а веришь в машины. Но технологии нас не спасут. А такие, как ты, помогают машинам превращать нас в рабов.

{Звонит телефон. Звук далекий; неясно, откуда он доносится.}

Рауль и Саманта пристально всматриваются сквозь стекло в даль. Такое впечатление, что таинственный наблюдатель забыл отключить мобильный телефон.

Телефон звонит снова. Их взгляд становится еще напряженнее.

Когда телефон звонит в третий раз, они принимаются искать глазами источник звука.

После четвертого звонка Рауль хлопает себя по одежде, роется в карманах.

– Это мой телефон! *{Он достает маленький мобильный телефон.}*

Рауль подносит телефон к уху, и лицо его выражает досаду.

– Кто это? – спрашивает Саманта.

– Будильник. *{Он нажимает на кнопку, отключая звук.}* Я использую мобильный и как будильник.

– Будильник? Так что же это, утро уже?

– Действительно, мы и не задавались вопросом, сколько времени прошло с тех пор, как нас украли.

– А по твоему мобильнику-будильнику это узнать нельзя?

Он ошарашенно смотрит на нее.

– Да, да, конечно. Телефон показывает, что последний раз я пользовался им семнадцатого декабря. А сегодня – двадцать четвертое. Значит, уже неделя прошла.

Она подходит к нему.

– Двадцать четвертое, говоришь... Рождество?

Он набирает номер, ждет. Ответа нет, он набирает другой номер.

– Не отвечают. Не соединяет. Рауль продолжает заинтригованно:

– Чего я не понимаю, так это почему нет даже слабого сигнала.

Он пробует в разных углах клетки поймать сигнал. Безрезультатно.

Он садится по-турецки рядом с Самантой, по-прежнему стоящей на коленях. Застывшим взглядом смотрит прямо перед собой.

– Саманта, я замру, словно статуя, и вы тоже. Ничего происходить не будет, зрителям станет скучно. И тогда, может быть, нас наконец отпустят.

Спустя какое-то время слышится бурчание в животе.

– Я есть хочу, – стонет Саманта, потирая живот.

– А я думал, раз мы в раю, то не должны чувствовать ни голода, ни жажды.

– Я есть хочу. Я пить хочу. Я ЕСТЬ ХОЧУ!

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)